

— Боюсь, завтра могут нагрянуть неприятности, — горько усмехнулся Вэнь Жунь.

— А если вернёмся в Ляньхуаао, тогда...? — Жена Чэнь Цяна не была уверена, что дома им будет безопаснее.

Ведь часто бывает: монах убежит, а храм никуда не денется.

— Не волнуйся, как только вернёмся в Ляньхуаао, всё будет в порядке, — успокоил её Вэнь Жунь. — У них не будет времени меня преследовать.

— Кто «они»? — не удержалась она.

— Заместитель уездного начальника Ли, — Вэнь Жунь распустил свой узел на голове. — Я так долго здесь, а так и не навестил его.

— Почему же не пошёл? — удивилась женщина. Она знала: в отсутствие уездного начальника заместитель — почти самый главный чиновник в округе.

— Его семья слишком напыщенная, — ответил Вэнь Жунь. — Рано или поздно это обернётся бедой.

Если даже младший сын осмеливается предлагать устраивать пир в честь нового уездного начальника, насколько же высокомерен сам Ли?

Как по воспоминаниям прежнего хозяина тела, так и по собственному опыту Вэнь Жуня, о заместителе Ли они слышали лишь слухи, но ни разу его не видели.

После того как Вэнь Жунь стал цзюйжэнем, даже секретарь Мао начал с ним вежливо разговаривать, а вот Ли не только не навестил его, но даже не прислал подарка — вообще никак не обозначил своего присутствия.

Сам Вэнь Жунь тоже не стремился заводить связи направо и налево, и так всё прошло мимо.

Что до Ли Ка — в академии они были лишь знакомыми «по кивку», близких отношений не было.

А сегодня Ли Ка осмелился так вызывающе себя вести! Кто знает, не нагрянет ли завтра сам заместитель Ли, чтобы «побеседовать»? Лучше скорее уезжать домой.

Через несколько дней Ли будет весь поглощён встречей нового уездного начальника и уж точно не станет тратить время на «старые разговоры» с ним.

Жена Чэнь Цяна, увидев, что Вэнь Жунь особо не тревожится, спокойно вышла.

Вэнь Жунь принял приятную горячую ванну, а лёжа на лежанке, всё думал: по возвращении домой нужно заняться вопросом переноса могил. Здесь, после Нового года, погода уже теплеет, снег начинает таять — совсем не то, что на северо-востоке. В прошлой жизни, даже с учётом парникового эффекта, там настоящее потепление наступало только в апреле. А здесь, ещё не выйдя из первого месяца, уже видны признаки оттепели.

После праздника «Эрьюээр» («Два вторых» — 2-го числа второго месяца) земля точно оттаяет, и тогда можно будет приступить к переносу могил.

Надо будет найти специалиста: либо местного фэншуй-мастера (инь-ян шэна), либо даосского настоятеля. Буддийские монахи, по мнению Вэнь Жуня, этим не занимаются — для переноса могил и подбора благоприятного места лучше обратиться к опытному даосскому мастеру.

Подумав немного об этом, он под действием вина заснул.

На следующее утро завтрак прислал брат Чжан — одни лишь ароматные пельмени с бульоном (гунтаньсяюлунбао), очень вкусные. После завтрака они сразу тронулись в путь.

Вэнь Жунь дал мальчику-слуге несколько медяков и велел передать брату Чжану, что они уезжают.

Поскольку годовое собрание проходило именно в гостинице «Хуншэн», слуга с готовностью согласился и даже с завистью посмотрел на Вэнь Жуня.

Домой они добрались только к полудню.

Их отсутствие длилось несколько дней, но дома оставались люди: Лю Сань и другие парни хоть и подмели, протёрли пыль и прибрались, всё же не сравнить с заботливостью женщин вроде жены Чэнь Цяна.

Вэнь Жунь думал, что дома наверняка накопилась пыль.

Но, вернувшись, обнаружил, что всё чисто и аккуратно — как будто они и не уезжали.

— Вот это да! — Вэнь Жунь даже не поверил своим глазам: даже подоконники были без единой пылинки.

Он провёл рукой — ни малейшего следа пыли.

— Моя мать попросила двух невесток, да ещё и двух невесток из семьи Чэн, — объяснил Лю Сань с лёгкой тревогой. — Они узнали, что хозяин возвращается, и тщательно вымыли весь дом, даже обед приготовили... Только мы здесь не ели.

Хозяин у них кормил хорошо: пару дней назад они действительно поели здесь, но сегодня — нет.

— Да что за еда! — Вэнь Жунь совершенно не обиделся. — Спасибо вашим невесткам, они молодцы! — На самом деле, сельчане оказались очень доброжелательными. Раньше все думали: «бедность порождает злобу, в горах и у реках живут одни головорезы». Но на деле, если бы они сами не вели себя твёрдо, их бы ещё больше презирали. — А что вкусенького приготовили?

— Да ничего особенного, — ответил Лю Сань. — Привезли две плитки свежего тофу из дома, да ещё рыбу наловили. Получилось тофу с карасями, «яньдусянь» и рис.

Женщины из семьи Лю не так искусны в кулинарии, как жена Чэнь Цяна, и не так опытные, как тётушка Цуйхуа, которая годами оттачивала своё мастерство. У них женщины готовят по очереди, но даже так их стряпня всё равно лучше, чем у Вэнь Жуня.

— Отлично! Эти два блюда можно подогреть — «тысячу раз вари тофу, десять тысяч раз — рыбу», всё равно вкусно, — обрадовался Вэнь Жунь. — Будем есть это.

Увидев, что хозяин не сердится, Лю Сань с облегчением выдохнул.

Дом остался таким же, как и прежде, и Вэнь Жуню стало гораздо спокойнее.

Подарки, приготовленные для поездки в уездный город, он уже раздал: мелкие подарки — товарищам по академии, а от них тоже получил кое-что взамен. Кроме того, он привёз немало покупок из города. Вернувшись днём, они лишь попили горячей воды, а потом сразу занялись распределением вещей.

Во второй половине дня Вэнь Жунь велел Чэнь Сюй взять привезённые сладости и сходить в дом старосты деревни.

Дом дедушки Чжана был всё таким же. Увидев Вэнь Жуня, его встретили с радушным приёмом:

— На этот раз всё благодаря тебе, что у старшего сына появилась такая должность!

— Да что вы! — скромно ответил Вэнь Жунь. — Это я побеспокоил брата Чжана. Я ведь и не знал, что годовое собрание окажется таким хлопотным делом. В прошлый раз, пять лет назад, мы тоже ходили в гостиницу, а до того — вообще в чайный домик.

— Нет-нет! — дедушка Чжан был в восторге. — По словам его хозяина, брату Чжану собираются дать должность главного управляющего! Он будет отвечать уже не за одну гостиницу, а за все торговые дела семьи. И жалованье ему тоже повысят.

Разумеется, это означало и улучшение всех прочих условий и льгот.

Вэнь Жунь кивнул:

— Заслуженно. Брат Чжан — хороший человек, отлично разбирается в делах и уже много лет работает управляющим гостиницы.

Должность главного управляющего (дачжангуя) выше обычного управляющего гостиницы. Он может контролировать не только управляющих гостиницами, но и других менеджеров, работающих на семью Лао Лу.

Главного управляющего нелегко найти — брат Чжан способный, да и в семье Лу работает уже много лет, так что на эту должность он подходит идеально.

Эти слова ещё больше обрадовали дедушку Чжана.

Побывав у старосты, Вэнь Жунь вернулся домой, немного прибрался, зашёл в кабинет, почитал немного и вскоре сел ужинать.

Он вернулся, но в первый месяц года занятий не было — учеба начнётся не раньше праздника «Эрюээр» (2-го числа второго месяца), когда дети снова смогут приходить в школу.

На следующий день он зашёл к соседям. Дядя Ян как раз был дома и наблюдал, как его трое сыновей раскачиваются взад-вперёд, заучивая тексты.

Старший сын семьи Ян, Ян Му, даже научил отца писать имена всех членов семьи.

Надо признать, Вэнь Жунь отлично подобрал имена для детей Янов — они были просты в написании!

Дядя Ян быстро запомнил, хотя писать пока получалось не очень. К тому же он не пользовался детской бумагой и кистями.

Вместо этого он брал тонкую палочку и писал на мягком песчаном подносе... Так делали все крестьяне: сначала тренировались на песке, и лишь когда письмо становилось уверенным, переходили к кисти и бумаге.

Дяде Яну не нужно было оттачивать каллиграфию — ему достаточно было просто уметь читать и писать, ведь в императорские экзамены он не собирался.

Вэнь Жунь пришёл поблагодарить их за помощь с домом.

Ведь когда убрали дом, никто, кроме тётушки Ян, не осмеливался заходить в кабинет Вэнь Жуня. Она не только тщательно всё вычистила, но и оставила каждую книгу ровно там, где она лежала.

— Зачем такие церемонии? — удивился дядя Ян, увидев две коробки сладостей. Таких он раньше не видел — наверняка дорогие.

И, судя по виду, очень вкусные.

— Это сладости с годового собрания, — пояснил Вэнь Жунь. — Очень изысканные. Пусть дети едят.

Эти две коробки он подарил только старосте и семье Янов — другим не давал. Всего у него было лишь четыре порции.

— Отлично, отлично! Пусть эти три шалопаю едят! — Дядя Ян был в восторге. Для него эти сладости были почти волшебными — будто «лекарство для ума»: съешь — и обязательно сдашь экзамен на суйцаю!

Сейчас его заветной мечтой было только одно — чтобы хоть один сын стал суйцаем. Тогда в доме появится надежда.

Побывав у семьи Ян, Вэнь Жунь вернулся домой.

Дел было немного, да и сам он устал, поэтому несколько дней хорошо отдохнул. И вот в назначенное время — двадцать второго числа — явился в гости старший сын покойного господина Лу Бао, нынешний глава семьи Лу, Лу Мин.

Лу Мин был зрелым мужчиной средних лет, настоящим местным уроженцем и типичным торговцем.

В древности статус купцов был очень низок: хоть они и были богаты, но всё равно стояли ниже учёных. Даже бедный суйцаю мог смотреть на Лу Мина свысока.

Именно из-за низкого социального положения купцы особенно тщательно следили за своей одеждой, едой и поведением — старались компенсировать недостаток статуса изысканностью.

Цвет одежды в древности напрямую зависел от социального положения. Яркие цвета — золотой, жёлтый, красный, пурпурный — полагались знати и чиновникам. Простолюдинам же разрешалось носить лишь синее, чёрное, белое и серое.

Пожилым людям можно было носить красное, но не ярко-алый цвет, а более сдержанные оттенки — багровый, кирпичный или имбирный.

Одежда чиновников регламентировалась строго по рангам: чиновники третьего ранга и выше носили пурпурное, четвёртого — тёмно-красное, пятого — светло-красное, шестого — тёмно-зелёное, седьмого — светло-зелёное, восьмого — тёмно-синее, девятого — светло-синее.

Отсюда и пошло выражение «весь двор наполнен пурпуром и алым».

В этом строго иерархическом обществе одежда была внешним знаком статуса.

От еды и жилья до одежды и головных уборов — всё подчинялось строгим правилам, и нарушать их было нельзя.

Вэнь Жунь, будучи цзюйжэнем, имел право носить одежду цвета «цин» (голубовато-зелёный) или даже зелёную.

А Лу Мин, будучи купцом, мог носить только синее, чёрное и белое.

Его отец, старый господин Лу Бао, мог позволить себе багровый цвет — ведь он был пожилым, а в древности к старикам относились с особым уважением. Государство даже ежегодно выдавало им специальные пособия.

Сам же Лу Мин был одет в синюю хлопковую стёганую куртку из тонкой ткани — с изысканной вышивкой и безупречным кроем. Всё в его облике было строго по правилам, разве что сам он был слегка полноват, да ещё и смеялся, прежде чем заговорить — сразу видно, человек добродушный. Ну а как иначе: в те времена купцы верили — «доброта приносит богатство».

На пальцах у него блестели два золотых перстня, на голове — шляпа, на ногах — хлопковые сапоги.

Вэнь Жунь принял его в гостиной — они были малознакомы, так что в кабинет звать не стал.

— Господин Вэнь, с Новым годом и счастья! — Лу Мин, едва войдя, сразу сложил руки в почтительном приветствии. Его вежливость граничила с излишней учтивостью.

— Господин Лу, и вам счастья в Новом году! — ответил Вэнь Жунь.

Старого господина Лу Бао он называл «господином» из уважения к возрасту. Но и тот, и его сын должны были обращаться к Вэнь Жуню как «господин Вэнь» или «цзюйжэнь Вэнь» — ведь тот был цзюйжэнем.

А вот с Лу Мином Вэнь Жунь мог позволить себе быть менее формальным — «господин Лу» было самым уместным обращением.

Хотя Лу Мину хватило бы возраста быть отцом Вэнь Жуню, по социальному статусу тот всё равно стоял выше.

— Счастья, удачи, всего наилучшего! — Лу Мин ничуть не обиделся и продолжал улыбаться, излучая радушие и доброжелательство.

— Прощу садиться! Подайте чай! — крикнул Вэнь Жунь в дверь. Он знал: за дверью обязательно кто-то стоит... Ведь ещё когда Чэн Лаосы пришёл с докладом, жена Чэнь Цяна уже всё организовала.

Правил приёма гостей Вэнь Жунь почти не знал, да и вся деревня Ляньхуаао была в этом невежественна. Хорошо, что жена Чэнь Цяна родом из знатной семьи — она отлично понимала эти тонкости.

Вошёл Чэнь Сюй. Мальчик уже чувствовал себя как дома: лицо не вымазано, юноша стройный и опрятный. На подносе он нес два бокала горячего чая и две маленькие пиалы с угощениями.

Вэнь Жунь взглянул на сладости и чуть не рассмеялся.

Одно угощение — обычные пирожные с лесным орехом, величиной с ноготь большого пальца, чтобы за раз съедались.

А второе... оказались конфеты! Те самые фруктовые леденцы и мягкие солодовые конфеты, которые он научил делать двух женщин.

Они пили чёрный чай, и по всем правилам к нему не полагалось подавать такие конфеты.

Но раз уж подали, Вэнь Жуню ничего не оставалось, как сделать вид, что ничего не заметил, и пригласить гостя пить чай.

Лу Мин был купцом, но в вопросах изысканности... ему было далеко до Вэнь Жуня!

Поэтому он ничего не заподозрил. Однако, отпив глоток чая, он заметил конфеты и на мгновение блеснул глазами.

— Я пришёл сегодня по двум причинам, — вежливо начал Лу Мин. — Во-первых, поздравить вас с Новым годом, а во-вторых — выразить благодарность. Для нашей гостиницы «Хуншэн» огромная честь была провести годовое собрание! Это настоящее благословение для нашего дома, словно солнечный свет проник в наш скромный двор.

— Вы слишком любезны, — ответил Вэнь Жунь. — Всё дело в том, что брат Чжан — человек надёжный и способный. Именно он помог мне организовать это собрание.

Он нарочно упомянул Чжана Фугуя, чтобы дать понять Лу Мину: он делает одолжение не ему, а именно Чжану.

— Конечно, конечно! — Лу Мин тут же стал восхвалять Чжана Фугуя: — Старый Чжан — человек трудолюбивый и толковый. Я как раз собираюсь назначить его главным управляющим. Пусть управляет не только гостиницей «Хуншэн», но и чайной «Юньшэн», и нашим товарным складом. Так мне будет спокойнее.

— Семья Лу в этих местах, можно сказать, одна из самых знатных, — Вэнь Жунь сделал глоток чая. — Но почему вас не было дома во время праздников?

— Сначала я был дома, — улыбнулся Лу Мин, — но моя супруга поехала навестить родителей, и я сопровождал её в уездный город. Её отец — начальник тюрьмы (сыцзюй) в уездном городе, Гуань Цин. Поэтому мы несколько дней погостили у них. Обычно, конечно, хватает пары дней, но как раз в это время через город проезжал важный сановник, да и народу в праздники много — вот и задержались подольше.

Вэнь Жунь слегка нахмурился:

— А, вот как?

Начальник тюрьмы?

Да, в уездном городе действительно существовало Управление тюрьмы (Сыцзюй сы), подчинявшееся уездной администрации и отвечавшее за содержание заключённых. Начальника тюрьмы (сыцзюй) назначали в ранге «цзюй» девятого класса — даже ниже, чем заместитель уездного начальника (сяньчэн).

К тому же это был чиновник, заведовавший тюрьмой — самая низкая должность среди мелких служащих. А по закону, лишь через три поколения потомки таких чиновников могли поступать в школы и сдавать императорские экзамены. Даже если у них сейчас хватит денег отдать ребёнка в частную школу, учителя всё равно не будут его жаловать...